

Анисимов Роман Иванович
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
ranisimov@list.ru

Специфические черты прекаризации трудовых отношений в промышленности в контексте динамики промышленного производства в период 1990–2018 гг.⁴⁵³

Аннотация. В статье рассматривается динамика промышленного производства в Российской Федерации за последние тридцать лет. Делается вывод о том, что процессы деиндустриализации 90-х гг. и медленное восстановление промышленности с начала века наложили свои специфические черты на прекаризацию трудовых отношений. В промышленности она выражена гибкостью рабочего времени, когда периоды недозанятости чередуются с периодами сверхзанятости. Такая гибкость выработала у наемных работников промышленных предприятий архаические способы адаптации к такому состоянию трудовых отношений, которая проявляется в наличии натурального хозяйства и дополнительных заработков.

Ключевые слова: промышленность; деиндустриализация; пролетариат; прекаризированные трудовые отношения; производительность труда; заработная плата

Anisimov Roman Ivanovich
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
ranisimov@list.ru

Specific features precarization of labor relations in the industry in the context of dynamics of industrial production in the period of 1990–2018⁴⁵⁴

Abstract. The article discusses the dynamics of industrial production in the Russian Federation over the past thirty years. It is concluded that the processes of deindustrialization in the 90s and the slow recovery of industry since the beginning of the century have imposed their own specific features on the precarization of labor relations. In industry, it is expressed by the flexibility of working time, when periods of unemployment alternate with periods of over-employment. This flexibility has developed archaic ways for employees of industrial enterprises to adapt to this state of labor relations, which is manifested in the availability of subsistence farming and additional earnings.

Keywords: industry; industrialization; proletariat; precarized labor relations; labor productivity; wages

Постановка проблемы

Рост турбулентности в трудовых отношениях приводит к прекаризированному состоянию наемных работников. Возникает прекариат – слой наемных работников, для которого характерно «нестабильное социальное положение, неопределенная,

⁴⁵³ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 18–18–00024.

⁴⁵⁴ The work was supported by Russian Science Foundation (Draft № № 18–18–00024)

флексибельная (гибкая) степень занятости, неустойчивые формы распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [Тощенко, 2018: 81]. В зависимости от трудовой сферы прекаризация трудовых отношений проявляется по-разному. В одних отраслях (например, в торговле или в сельском хозяйстве) она проявляется в росте неформальных трудовых отношений, в других отраслях (образовании и здравоохранении) можно наблюдать формальный рост неполной занятости. Но прекаризация трудовых отношений так или иначе затрагивает все сферы экономики России. Цель данной статьи, проанализировать специфику развития прекаризованных трудовых отношений в промышленности. Для реализации этой цели в статье будет рассмотрена общая динамика промышленного производства Российской Федерации и затем на основе этой динамики, а также социологических исследований будет выявлена специфика прекаризации трудовых отношений в сфере промышленности. В данной статье мы разделили анализ положения промышленности на два хронологических этапа. Первый этап – волна деиндустриализации, охватившей российскую промышленность в последнем десятилетии двадцатого века. Второй этап – консервация состояния промышленности без явной положительной динамики, но и без глубоких падений, испытанных промышленностью на первом этапе. Этот этап начался в начале нового столетия и продолжается до сих пор. В статье, помимо анализа макроэкономических показателей мы попытаемся осмыслить «жизненный мир» работников промышленности, понять, как повлияло на их сознание и практики поведения трансформация места и роли промышленности в российской экономике [Тощенко, 2016]. Это соединение макро и микроуровней на наш взгляд даст понимание специфики прекаризации наемных работников российской промышленности и как работники адаптируются к нестабильности трудовых отношений на своих предприятиях.

Десятилетка развала. Положение промышленности в 90-е гг. XX в.

Советский Союз к концу своего существования являлся мощным индустриальным государством. Удельный вес промышленности в ВВП страны составлял около 40 %, а на заводах, шахтах, фабриках работал каждый третий из всех работающих. Распад СССР породил процессы деиндустриализации российской экономики, что привело к упадку доли промышленности в ВВП страны и сокращению числа занятых в этой отрасли (см.Рисунок 1).

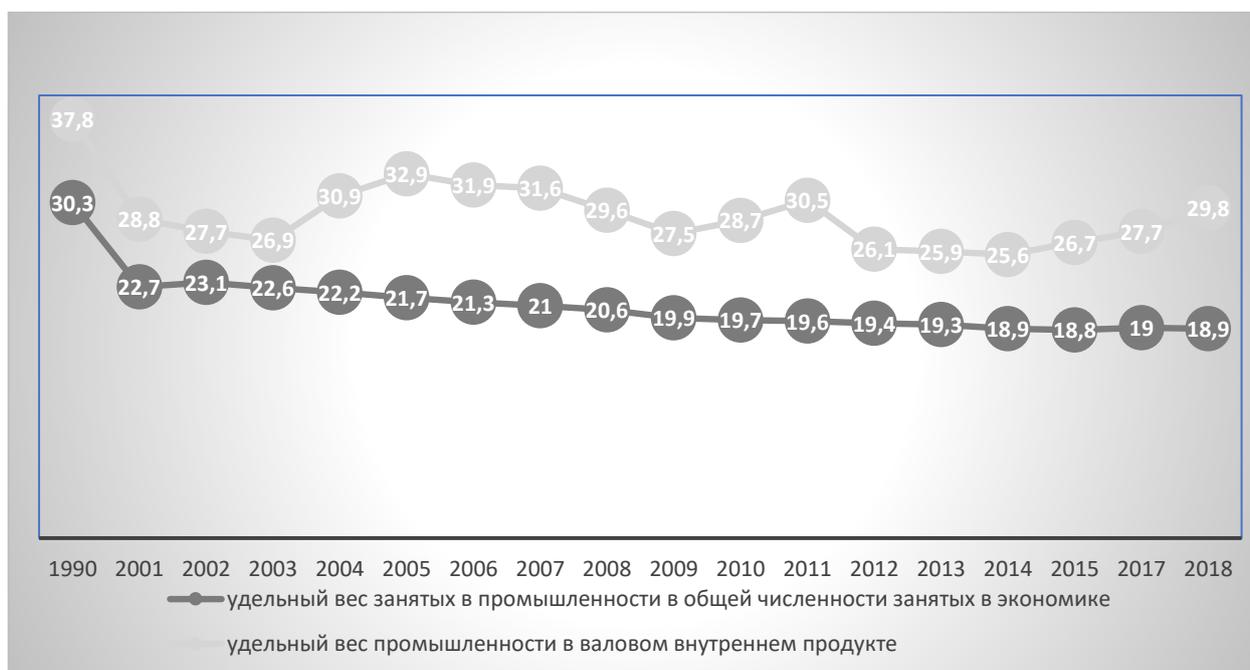

Рисунок 1. Удельный вес занятых в промышленности⁴⁵⁵ и удельный вес промышленности в ВВП страны⁴⁵⁶⁴⁵⁷ (в %)

Источник: Промышленность... 2002, 2008, 2010, 2012; Промышленное ... 2016, 2019.

Основные потери от деиндустриализации пришлись на предприятия, выпускающие товары с высокой добавленной стоимостью – обрабатывающую промышленность. Это машиностроение, производство оборудования и станков, товаров массового спроса. «По данным Росстата, за 1991–1996 годы объем промышленного производства в России сократился на 55 % относительно уровня 1990 года. Деиндустриализация коснулась прежде всего обрабатывающих производств, выпуск которых в 1996–1998 годах оказался почти втрое ниже уровня 1990 года.» [Динамика, 2017: 6].

Снижение промышленного производства сопровождалось массовым сокращением персонала предприятий прежде всего рабочих. К 2000 г. в машиностроении и металлообработке осталось 47 % от количества рабочих в 1990 г., в электротехнической – 50,1 %, станкостроительной и инструментальной промышленности – 43,4 %, в приборостроении – 21,8 %, тракторном и сельхозмашиностроении – 37,8, в легкой промышленности – 35,7 % [Максимов, 2004: 24]. Деиндустриализация собственного обрабатывающего производства переориентировало добывающую промышленность на увеличение экспорта сырья, что проявилось в увеличении числа рабочих в электроэнергетике – 166,3 % от уровня рабочих в 1990 г, цветной металлургии – 111,4 %, топливной промышленности и черной металлургии – 88 % [Максимов, 2004: 24]. Страна стала поставщиком

⁴⁵⁵ За 2000–2006 гг. данные сформированы без учета Чеченской Республики.

⁴⁵⁶ По видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

⁴⁵⁷ Удельный вес промышленного производства рассчитан, исходя из объема валового внутреннего продукта (ВВП) в текущих основных ценах.

невозобновляемых ресурсов для иностранной промышленности. Более того, оставшиеся обрабатывающие производства в 90-е гг., только по названию оставались ими, по факту, также ориентируясь на продажу сырья. Например, на Кировском машиностроительном заводе продукция металлургических цехов в это время составляла 60 %, на Заводе турбинных лопаток механообработка была полностью остановлена, работало только металлургическое производство, отливавшее металл в «муфты», что позволяло вывозить металл под видом «изделий» и соответственно меньше уплачивать таможенные сборы [Максимов, 2004: 25]. Таким образом, для промышленности и прежде всего обрабатывающей, относительно 90-х гг. вполне применимо выражение Трушкова В.В. о двух «пятилетках развала» [Трушков, 2002: 46].

В 90-ые гг. под сокращение попадала прежде всего «элита рабочего класса» – высококвалифицированные рабочие. Так в 1998 г. доля неквалифицированных рабочих в промышленности составляла 30 % против 23% в 1990 г [Максимов, 2004: 26]. Производилась продукция, не требующая большой квалификации работников, так как в российской экономике не было потребностей в данной продукции. В экономической политике того времени торжествовали идеи об «открытом рынке» международном разделении труда и бесполезности сложного производства в стране, так как эти товары «дешевле купить, чем производить». В настоящий момент становится очевидным иллюзорность этих идей. «Свободный рынок» оказывается не таким свободным, режим санкций отрезает поставку высокотехнологической продукции и актуализирует политику «импортозамещения», но высококвалифицированные кадры, потерянные в 90-е гг. вряд ли вернуться на производство, что усугубляет проблему восстановления промышленности. Сокращения, работников в 90-е гг. носили трагический характер. Так один из лучших ученых, изучавших рабочий класс Б. И. Максимов описывает следующим образом процедуру увольнения на машиностроительном производстве в 1997 г., в котором подразумевалось сократить 620 человек, т.е. 30 % кадрового состава, в некоторых цехах почти 50 %. «Сами же рабочие восприняли сокращение в целом, по выражению одного респондента, «покорно», многие «были в ужасе, шоке». Преобладающим было ощущение безвыходности положения, невозможности повлиять на него, неизбежности увольнений. Сокращаемые воспринимали объявление их фамилий как приговор себе, при этом – «молча». Молчали и остающиеся. Собrania проходили «при гробовом молчании». Недовольство публично проявлялось лишь изредка, выражалось оно в адрес не своей администрации, а государственной власти («До чего нас довели»). Признаков проявления недовольства взрывного характера не наблюдалось. Ощущалась «расколотость» рабочих на тех, «кого пока не тронули» и на тех, «на кого показали пальцем». Первые опасались «высовываться», вторые – чувствовали себя изгоями... Как выразился один респондент: «На сокращение идут покорно, как бараны» [Максимов, 2004: 176–177]. В итоге это вылилось в пассивность, терпение,

отсутствие солидарности, снижение уровня притязаний, индивидуальные практики адаптации. Такое мироощущение, на наш взгляд сохраняется и сейчас. Недовольство редко выходит за границы «кухни». Исследователями отмечается пассивность в отстаивании своих прав наемными работниками [Воробьева, 2019: 99; Семенов, 2018: 54]. Мы полагаем, что работники промышленности в ходе деиндустриализации 90-х гг., утратили субъектность, хотя в конце 80-х и начале 90-х гг. рабочее движение выступало мощным фронтом, рабочие громко заявляли о своих правах, устраивали забастовки и митинги. В настоящее время протест в основном проявляется в «челобитных», в которых не проявляются требования достойной оплаты труда, или удовлетворения своих прав, а лишь жалобы на задержку заработной платы и просьбы «выплатить положенное». Мы считаем, что такое положение дел есть закономерный результат перехода от социализма к капитализму, где основным актором считается предприниматель и вся система направлена на реализацию его интересов. Наемным работникам в этой системе отведена второстепенная, если не третьестепенная роль, поэтому на их положение практически не обращают внимание СМИ, о состоянии трудовых отношениях практически не говорят, а сами работники разобщены и подавлены. К сожалению, эти тенденции зародившись в 90-е не были преломлены в «тучные нулевые».

Промышленность с 2000-х по настоящее время. Бег на месте

После дефолта 1998 г., в результате которого за полгода, курс доллара по отношению к рублю вырос в три раза, российская промышленность стала восстанавливаться. Это произошло за счет того, что российские товары вследствие девальвации рубля стали конкурентоспособны. Конечно, наибольшую выгоду получили отрасли, нацеленные на экспорт сырья (металлургия, нефтегазодобыча, лес), но и другие отрасли стали наращивать промышленное производство. Простаивающие в ходе обвала 90-х гг. мощности, унаследованные от Советского Союза, позволяли без особых капиталовложений увеличить выпуск продукции. Начался подъем экономики. Этот рост сопровождался сокращением численности занятых в промышленности. В теории это нормальный процесс, так как на производстве внедряются инновации, автоматизация и роботизация, растет производительность труда, и соответственно все меньше необходимо работников, они высвобождаются из производства. На практике, в Российской Федерации достаточно скромный рост производства не сопровождался механизацией, во многом он был обусловлен интенсификацией труда работающих в промышленности, с которой сами работники «терпеливо» соглашались, вследствие тех коренных переломов, произошедших с ними десятилетием раньше (см. выше). Доля машин и оборудования в структуре основных фондов за период с 2003 по 2018 в среднем увеличилось на 1,5 %. Хотя здесь стоит отметить, что в разных отраслях промышленности ситуация с автоматизацией производства складывалась по-разному.

Но все равно, даже в таком экспортоориентированном производстве, распределении газа и воды за 12 лет она не превысила 6 % (см.Рисунок 2).

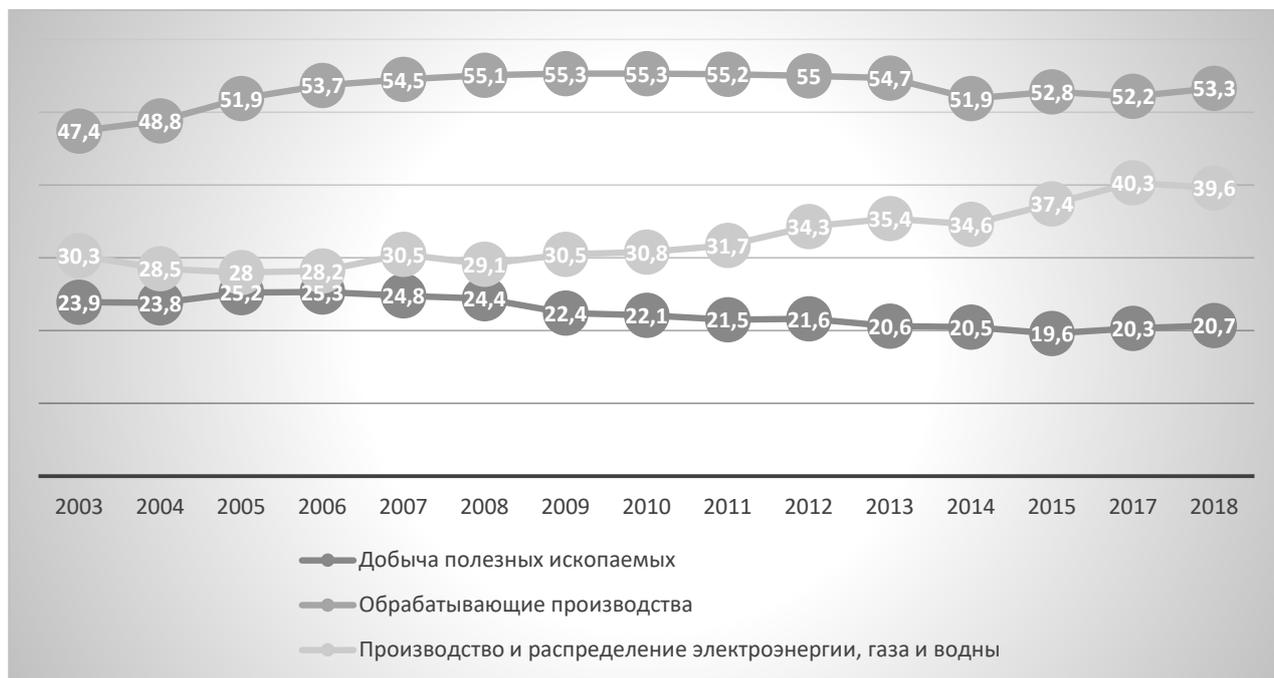

Рисунок 2. Доля машин и оборудования в структуре основных фондов коммерческих организаций по видам экономической деятельности (на начало года; в %)

Источник: Промышленность ...2008, 2010; Промышленное ... 2016, 2019.

Такой уровень машин и оборудования в структуре основных фондов свидетельствует о том, что за двенадцать лет не была произведена структурная перестройка нашей промышленности. Для сравнения в США, в которых также происходили процессы деиндустриализации доля машин и оборудования в основном капитале машиностроительного комплекса в 2000 г. составляла 78,6 % [Василевский, 2008: 89] В России в этот же год в машиностроении и металлообработке эта доля составляла 45 %. В 2018 г. она составляла 53,3 %, т.е. была на 24 % меньше, чем у США пятнадцать лет назад (см.Рисунок2). Здесь стоит оговориться, что высокая доля машин в основных фондах, означает не только более высокую степень механизации труда, но и более новое и высокопроизводительное оборудование, так как оно стоит дороже. Поэтому в США в 2000 г. в машиностроении было не только больше машин и оборудования, чем в Российской Федерации, они были качественно лучше. Мы предполагаем, что в промышленном производстве в это время был «бег на месте». Российская промышленность воспроизводила технологический запас, унаследованный с советских времен. В период с 2000 по 2018 степень износа основных фондов в целом по стране увеличилась с 39,3 % до 47,4 %. В промышленности степень износа в 2018 г. составляла 48,5 %, т.е. устаревшим был практически каждый второй станок [Промышленность, 2008; Промышленное, 2019]. Справедливости ради, стоит

отметить, что модернизация на предприятиях происходит, но заменяют в основном полностью изношенное оборудование и темпы этой замены не позволяют говорить о технологическом перевооружении предприятий промышленности. Так доля полностью изношенного оборудования за эти годы снизилась только на 2 % (20,7 % в 2003 до 19 % в 2018 г.) [Промышленность, 2008; Промышленное, 2019].

Выше уже отмечалось, что с начала нулевых годов в целом в российской промышленности наблюдается рост производства. Однако производство не растет во всей промышленности, а только в отдельных сферах. Ряд отраслей, связанных с экспортом и государственными заказами, имеют высокие темпы роста (добыча и переработка сырья, ВПК, атомная промышленность), в остальных сферах мы наблюдаем практически нулевой рост. Особенно это касается машиностроения – сердца любой промышленности. Наглядно иллюстрирует эту картину количественное производство отдельных товаров (см. Табл.1).

Таблица 1. Производство отдельных видов машин и оборудования

Производство товаров	1990	2018
Станки металлорежущие, тыс.шт.	74,2	4,6
Машины кузнечнопрессовые, шт.	27 300	4 400
Бульдозеры самоходные и бульдозеры с поворотным отвалом, шт.	14 100	625
Экскаваторы, тыс. шт.	23,1	2,4
Станки ткацкие, шт.	18 00	57
Тракторы для сельского и лесного хозяйства прочие, тыс. шт.	214	7,1
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	4,6

Источник: Российский...2019; Народное...1991: 147, 375–378.

Мы видим, что обрабатывающая промышленность за тридцать лет так и не вышла на советский уровень, а некоторые производства утеряны навсегда. В настоящий момент Россия имеет ряд конкурентноспособных отраслей в мировом разделении труда, но основная масса промышленного производства с начала XXI века так и «топчется на месте». Небольшой рост в промышленности достигается не благодаря технологическому перевооружению, о чем было сказано выше, а во многом за счет интенсификации труда работников предприятий, которая зачастую не компенсируется ростом заработной платы.

Динамика заработной платы в промышленности 2000–2018 гг.

С начала двухтысячных годов номинальная заработная плата в промышленности выросла в целом в пятнадцать раз (см.Рисунок3).

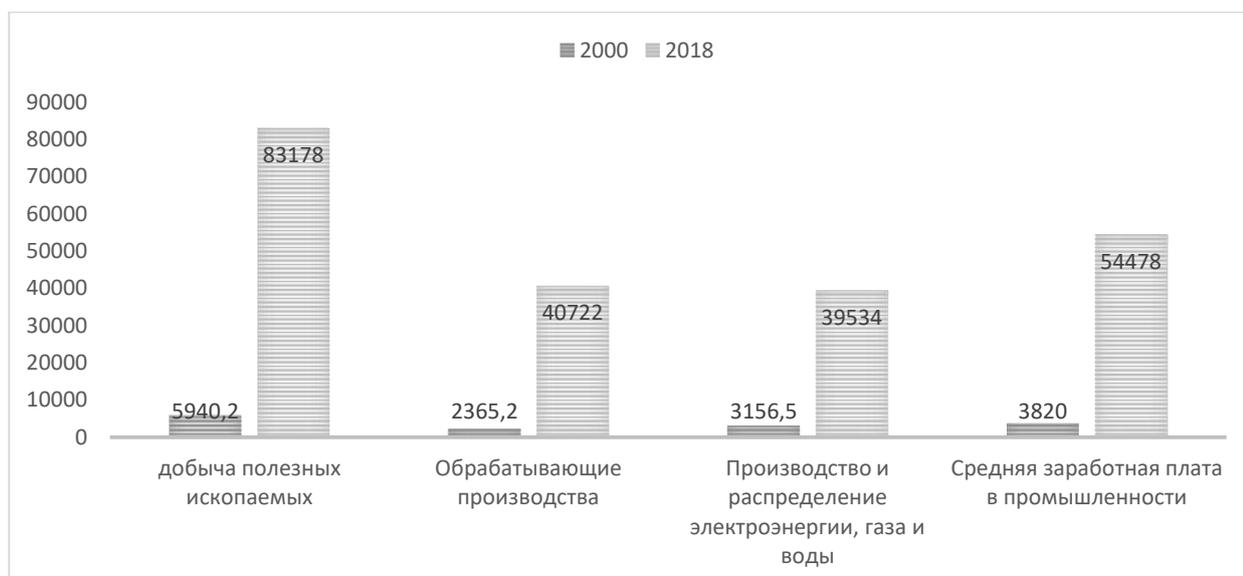

Рисунок 3. Средняя заработная плата по видам экономической деятельности (в рублях)

Источник: Промышленность ... 2002; Промышленное ... 2019.

В пересчете на доллары этот рост скромнее всего 6 раз (см.Рисунок4).

Рисунок 4. Средняя заработная плата по видам экономической деятельности (в долларах, по среднегодовому курсу обследуемого года)

Источник: Промышленность России 2002; Промышленное производство в России 2016.

Производительность труда за этот период росла меньше, что позволило выдвинуть мнение о том, что рост заработной платы не имеет реальных оснований и целесообразней было бы привести его в соответствие с ростом производительности. На наш взгляд эти выводы являются некорректными. Во-первых; интенсивный рост заработной платы связан с очень низким уровнем зарплат в 90-х гг., которые не перекрывали даже прожиточный минимум. Просто дальше некуда было падать. Во-вторых, да, производительность труда у нас ниже, чем в развитых странах, но заработная плата еще ниже. Например, производительность труда в США в 2018 г. составляла 74.4 доллара в час, в России 28,3 долларов т.е. была ниже в три раза [Level of GDP, 2018], но среднемесячная заработная плата в обрабатывающей промышленности США в 2018 г. составляла 4 950 долларов [Петровская, 2019: 97] , в России за этот же период в этих же отраслях она составляла 40 722 рублей, что

эквивалентно 702 долларам [Труд..., 2019]. Таким образом, в 2018 г. производительность труда была ниже в три раза, а заработная плата ниже в семь раз. Это говорит о том, что в целом россияне на один доллар выработанной продукции зарабатывают меньше, чем американцы. Мы работаем больше, а получаем меньше. В-третьих, рост заработной платы в промышленности был медленней чем в целом по стране, и это означает, что темпы роста заработной платы в промышленности, даже ниже, чем в других секторах экономики, при одновременном росте промышленного производства (см. Рисунок 5). Этот факт отмечают специалисты аналитического центра при правительстве РФ, исследуя динамику производительности труда в период с 2005 по 2015 гг., говоря о том, что «Начиная с 2012 года темпы роста реальной начисленной заработной платы стали достаточно устойчиво сокращаться и уже в 2015 году были ниже, чем индекс роста производительности труда в постоянных ценах... Экономия на затратах на рабочую силу не только не стимулирует рост производительности труда, но и ограничивает личное потребление домашних хозяйств и, соответственно, спрос населения на производимые товары и услуги, что, в свою очередь, сдерживает заинтересованность не только в наращивании, но и в сохранении достигнутых объемов производства» [Производительность..., 2017: 11–12].

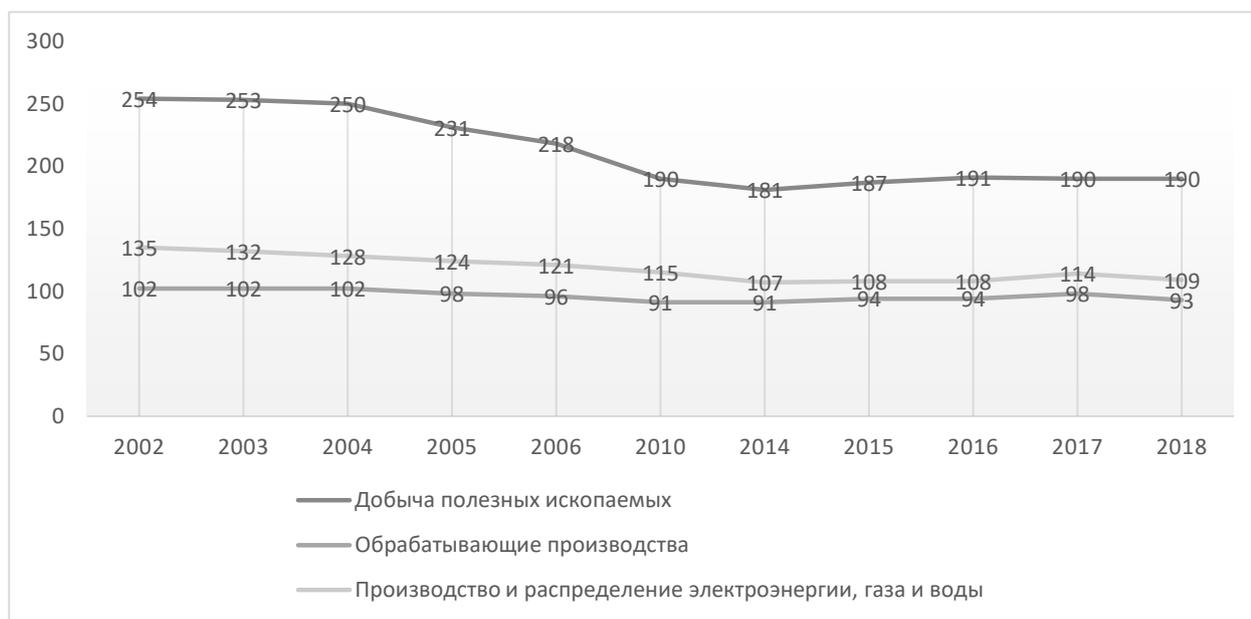

Рисунок 5. Соотношение средней заработной платы в промышленности по видам экономической деятельности к общероссийской средней заработной плате (в %)
 Источник: Труд...2007, 2017, 2019

Такое положение дел с заработными платами, отражается на субъективных оценках работников промышленности. По результатам нашего исследования занятые в промышленности имеют средние доходы в сравнении с другими отраслями, что в целом соответствует данным Росстата (см. Табл.2).

Таблица 2. Среднемесячный доход на каждого члена семьи⁴⁵⁸ (в рублях)

Отрасль	Примерный среднемесячный доход на каждого члена семьи
Промышленность	20 903,8
Строительство	18 506,6
Транспорт, связь	17 896,4
Сельское хозяйство	16 523,1
Образование, наука, культура, здравоохранение	22 333,5
Армия, МВД, органы безопасности	28 320,3
Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	19 372,9
Органы управления, финансы и страхование	26 073,5
Другое	16 875,0
Средний доход по всем группам	20 521,4

Источник: ПТ-2018

Однако, 47,4 % работающих в промышленности в качестве проблем, которые их волнуют на работе указало низкую оплату труда (среди рабочих – 50,7 %), а справедливой свою заработную плату назвало только 22,8 % работающих в промышленности (среди рабочих – 19,9 %), что свидетельствует, что оплата труда в промышленности, по мнению работающих не соответствует вложенному труду. Как объективно, если сравнивать с другими странами, так и по мнению самих работников.

Таким образом, исходя из вышеописанного, рост российской промышленности в двухтысячные годы наблюдался в отраслях, ориентированных на экспорт, и имеющих господдержку. Структурного переоснащения промышленности за эти годы не произошло, и поэтому рост достигался путем сокращения персонала заводов и фабрик и интенсификацией работы оставшихся работников. Низкая производительность труда российской промышленности компенсируется еще более низкими затратами на оплату труда. Заводы и фабрики, особенно обрабатывающей промышленности, «законсервировались» в своем технологическом развитии с начала 2000-х гг. Отсутствие перевооружения, интенсификация труда наемных работников наложились на «терпение», расколотость, «согласие с администрацией»,

⁴⁵⁸Всероссийский опрос трудоспособного населения (N=1200). Время опроса май-июне 2018 г. Репрезентативная выборка ре для Российской Федерации и федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шеренги). Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа, села (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 поселков городского типа (пгт.). На последнем этапе для отбора респондентов интервьюерами соблюдались квоты по социально-профессиональным группам. Расчет эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлен с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю (при пороге теоретической допустимой средней погрешности $\pm 5\%$). Количество работающих в промышленности в исследовании – 197, из них рабочих – 147. Далее в тексте данные этого опроса обозначаются ПТ-2018.

унаследованными работниками с 90-х гг. и в результате в промышленности сложились специфические черты прекаризации трудовых отношений.

Специфические черты прекаризации в промышленности

Прекаризация трудовых отношений имеет разные проявления. Ранее нами были выявлены следующие индикаторы 1) наличие/отсутствие трудового договора (формальная занятость – неформальная занятость); 2) тип занятости (постоянная, временная (срочные договоры до года), сезонная (определенный период времени меньше года), эпизодическая (работа от случая к случаю), работа по договорам ГПХ); 3) продолжительность рабочего времени (стандартная продолжительность (31–40 часов в неделю), нестандартная продолжительность (неполная занятость – 30 часов и меньше, недозанятость, сверхурочная работа – 41 час и больше); 4) место работы (основная работа, дополнительная работа); 5) тип найма (непосредственный найм работодателем и опосредованный (заемный труд – аутстаффинг, аутсорсинг) [Анисимов, 2019: 6]. Рассмотрим по этим индикаторам прекаризированную занятость в промышленности.

Тип найма. В промышленности в основном практикуется непосредственный найм персонала. Вообще, этот индикатор не очень распространен в Российской Федерации и применяется в основном в сфере домашних услуг (работы по уходу за детьми, престарелыми, клининг).

Наличие/отсутствие договора и тип занятости. По этим индикаторам промышленность демонстрирует низкий уровень прекаризированности (см. Табл. 3).

**Таблица 3. Тип занятости и форма трудового договора
(в % по столбцам)**

Показатели	Как оформлена работа								
	Промышленность	Строительство	Транспорт, связь	Сельское хозяйство	Образование, наука, культура,	Армия, МВД, органы	Торговля, бытовое	Органы управления,	Другое
Имеют бессрочный договор	65,0	35,4	57,9	50,6	70,9	62,7	42,4	61,8	0,0
Имеют временный договор более 1 года	23,9	23,2	19,3	28,2	19,8	31,3	22,3	26,5	12
Имеют временный договор менее 1 года	3,0	8,5	1,8	2,6	3,0	2,4	9,4	8,8	0,0
Работают без трудового договора	7,6	29,3	17,5	13,5	5,6	3,6	21,9	2,9	71
Индивидуальные предприниматели	0,0	0,0	0,0	2,6	0,0	0,0	3,1	0,0	0,0
Самозанятые	0,5	3,7	3,5	2,6	0,7	0,0	0,9	0,0	18

Источник: ПТ-2018

В промышленности преобладают бессрочные договора и по этому индикатору прекаризация не проявляется.

Продолжительность рабочего времени. В отсутствие советского планирования промышленность погрузившись в рыночную стихию сильно зависит от экономической ситуации. В связи с этим работа на заводах и фабриках аритмична и малопредсказуема для работников фабрик и заводов. Так, по данным Росстата, процентное соотношение

работников обрабатывающей промышленности, ушедших в отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника в 2018 г. составило 17,1 % к списочной численности предприятия. В среднем же по всем сферам экономики в аналогичный отпуск уходило 8 % [Труд, 2019]. Всего в режиме неполного рабочего времени в обрабатывающей промышленности в 2018 г. работало 21,2 % работников. В целом по стране доля таких работников составила 11 % [Там же]. Данные цифры свидетельствуют о том, что адаптация предприятий к рыночной конъюнктуре регулируются отправлением работников в «неоплачиваемые отпуска» путем неформального давления на них администрации, заставляющей писать заявления на отпуск «по собственному желанию». Эти периоды отсутствия спроса сменяются временем интенсивной нагрузки, когда предприятие получает заказ или выигрывает контракт (см. Табл.4). Здесь стоит обратить внимание на то, что практически каждый второй (48,2 %) работающий в промышленности отметил, что иногда работает свыше 8 часов. В промышленности есть графики работы по 12 часов такой ритм работы постоянен, и поэтому, работающие по этому графику, отвечая на этот вопрос, отметили пункт да, постоянно (21,8 %), но в случае загрузки предприятия на работу во вторую или в третью смену переходит значительная часть работающих на предприятии по восемь часов, поэтому они отметили пункт «Да, иногда». В связи с этим, 19,9 % работающих в промышленности, отвечая на вопрос о проблемах по месту работы отметило «неясность оплаты труда», а среди промышленных рабочих доля, выбравших этот пункт оказалась еще выше – 24,7 % это один из самых высоких показателей в нашем опросе. Эта «неясность» формируется за счет того, что рабочие не могут предугадать какую заработную плату они получают в следующем месяце или году, так как неизвестно как они будут трудиться.

Таблица 4. Работа свыше восьми часов (в % по строке)

Отрасль	Работа более 8 часов		
	Да, постоянно	Да, иногда	Нет
Промышленность	21,8	48,2	29,9
Строительство	31,7	47,6	20,7
Транспорт, связь	35,1	36,8	28,1
Сельское хозяйство	27,6	38,5	34,0
Образование, наука, культура, здравоохранение	21,3	35,4	43,3
Армия, МВД, органы безопасности	28,9	43,4	27,7
Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	29,5	35,7	34,8
Органы управления, финансы и страхование	14,7	26,5	58,8

Источник: ПТ-2018

Именно, *флексбилизация рабочего времени*, на наш взгляд, является основным индикатором прекаризованной занятости в промышленности. С её помощью промышленность гибко реагирует на рыночные колебания спроса. Чередование недозанятости и сверхзанятости работников промышленности более выгодно для

администрации предприятий чем увольнение и наем новых работников. При сокращении штата администрация обязана выплачивать выходное пособие работникам, что невыгодно, к тому же при внезапном увеличении нагрузки, нет необходимости поиска работников, можно «загрузить» имеющихся.

Место работы. По этому индикатору выделяются основное и дополнительное место работы. Как показала Кученкова А. В. наличие дополнительного места работы является признаком прекаризации основного места работы [Кученкова, 2018: 179]. В большинстве случаев дополнительная работа служит вынужденной мерой, позволяющей снизить нестабильность по основному месту работы. По результатам нашего исследования 20,8 % среди работающих в промышленности имеют регулярную подработку (среди рабочих этот процент еще выше – 23,8 %), 36 % подрабатывают нерегулярно (37,4 % – среди рабочих). Эти данные выше, чем в среднем по стране (см. Рисунокб).

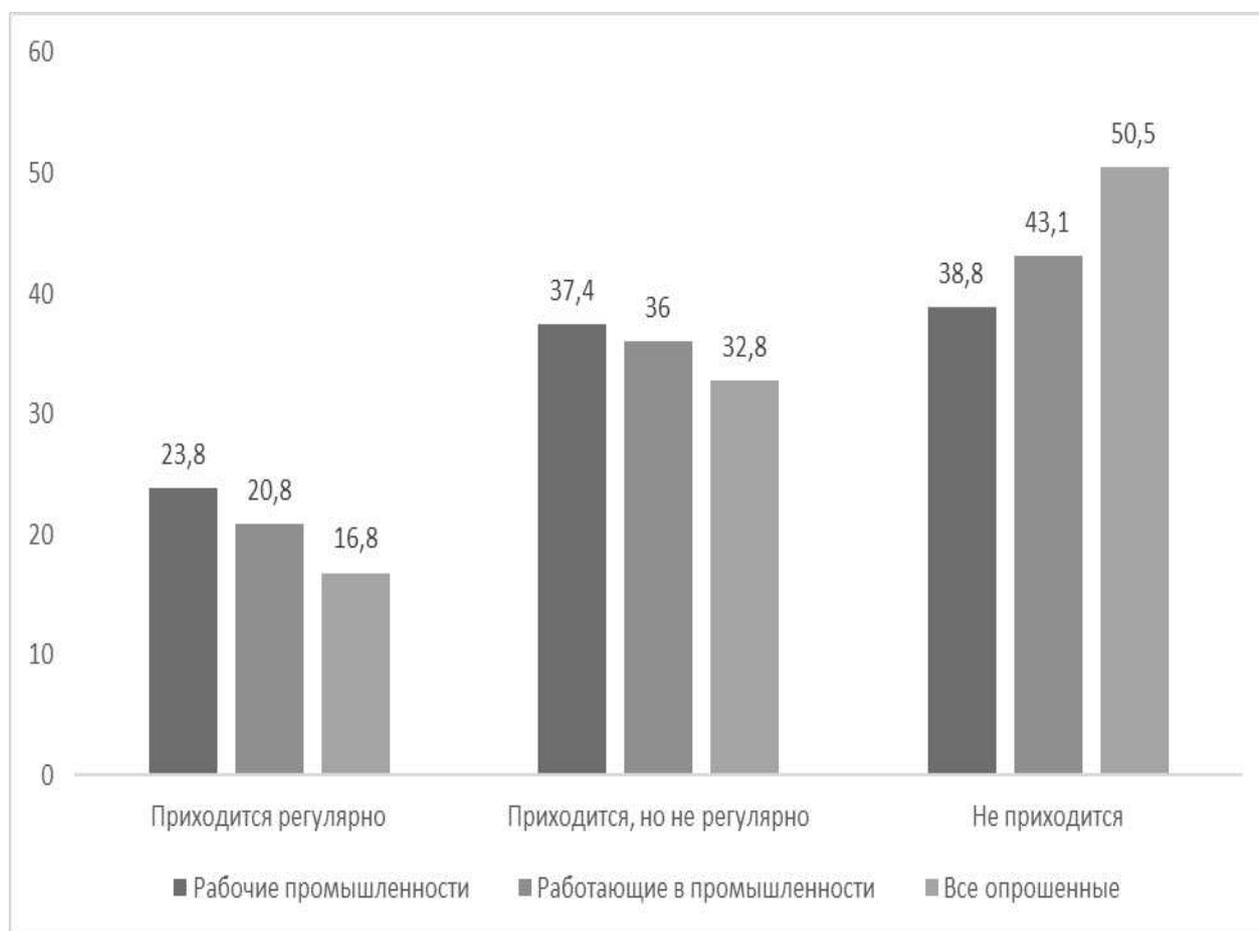

Рисунок 6. Наличие дополнительной работы и подработок в промышленности (в %)

Источник: ПТ-2018

Также стоит отметить, что помимо подработок распространенным источником существования для работающих в промышленности является выращивание продуктов на дачах и огородах (см.Рисунок7).

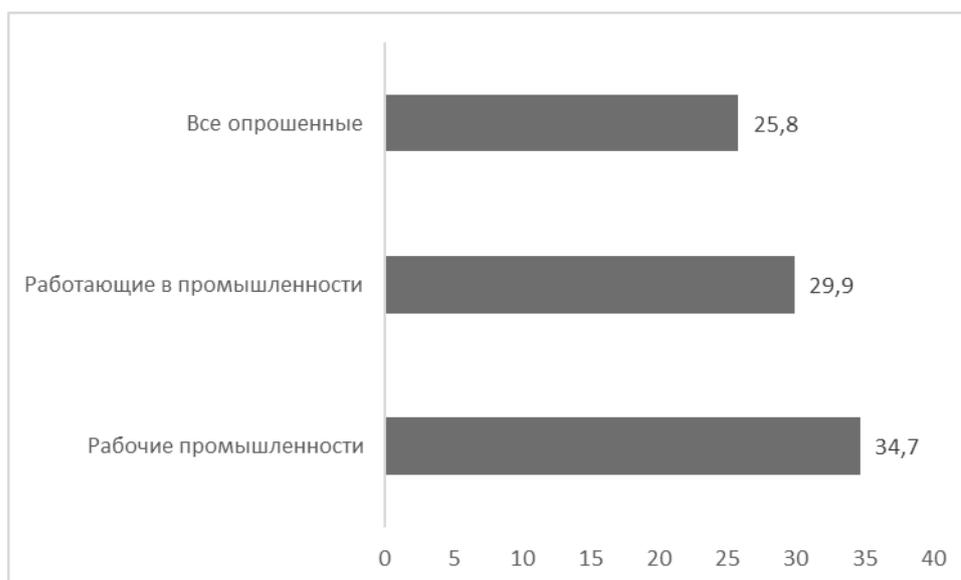

Рисунок 7. Выращивание продуктов на даче и огороде как источнике дохода в промышленности (в %)

Источник: ПТ-2018

Это самая большая доля выращивающих продукты среди всех занятых в разных отраслях. Больше выращивают только жители села, но это обусловлено их местом проживания. И таким образом, получается парадоксальный факт. Работающие в промышленности наименее пролетаризированы среди всех социально-профессиональных групп⁴⁵⁹. Они больше других групп сохраняют связь с землей и тем самым очень схожи с российскими рабочими конца XIX – начала XX вв., живущих в Посадах, которые также имели огороды, продукты с которых компенсировали низкую заработную плату. Деиндустриализация промышленности наглядно проявляется в мегаполисах, в которых в силу дороговизны земли заводы и фабрики закрываются и их места занимают жилые кварталы и офисы. Сохранившиеся предприятия располагаются в полусельских полугородских регионах, в небольших городах или даже в крупных селах. Жители этих городов выработали свои практики адаптации к флексibility рабочего времени. Они имеют ресурс в виде продуктов с личных огородов, а также, вполне возможно ремесленно-сервисные подработки (мелкий ремонт, работа в такси) позволяющих им иметь низкую и нестабильную заработную плату. Они ходят на работу, когда в них есть потребность и сидят дома в неоплачиваемом отпуске, когда предприятие закрывается. Конечно, это не тот классический пролетариат, «которому нечего терять кроме своих цепей», а скорее персонаж повестей Максима Горького периода первой русской революции. Это житель провинциального города, работающий на уездной мануфактуре или фабрике. И это способствует более успешной адаптации таких предприятий в отличие от предприятий больших городов, которых практически не осталось. Малая степень пролетаризации наемного работника позволяет существовать российской промышленности. Наша промышленность

⁴⁵⁹ Под пролетаризацией мы понимаем состояние наемного работника, при котором заработная плата является единственным источником существования.

существует не вследствие технологических инноваций, а вследствие архаизации образа жизни наемных работников. Наверное, это не лучший способ сохранения промышленности, но другого пока нет.

Выводы

Промышленное производство в России после падения 90-х гг. в 2000-х стало медленно восстанавливаться. В основном рост происходил в отраслях, ориентированных на экспорт и государственный заказ. Обработывающая промышленность так и не вышла на рубежи 1990-го года. Подъем промышленности в нулевые годы сопровождался уменьшением числа занятых в промышленности и в тоже время отсутствием технического перевооружения предприятий. Он происходил из-за интенсификации труда занятых в промышленности. Низкие заработные платы позволяют быть рентабельным предприятиям без технического перевооружения. Основным способом адаптации промышленных предприятий к рискам неопределенности в настоящий момент является флексибилизация рабочего времени. Флексибилизация рабочего времени является специфической чертой прекаризации в промышленности. Это позволяет держать «резервную армию труда» на самом предприятии в случае появления спроса, и избегать издержек, связанных с массовым сокращением персонала. Также такое положение дел сохраняет социальную стабильность в промышленных регионах, но делает нерациональным перевооружение производства. В этих условиях работники промышленности выработали свои механизмы адаптации к флексибилизации рабочего времени и низким заработным платам. Это прежде всего дополнительная работа и натуральное хозяйство. Работники промышленности в наименьшей степени пролетаризированы чем занятые в других отраслях экономики, за исключением жителей села. Они не являются пролетариями в классическом понимании этого слова, а напоминают российских рабочих конца XIX-начала XX вв.

В настоящий момент в российской промышленности сложилась следующая ситуация: низкий уровень безработицы, низкий уровень заработных плат, низкая производительность труда. Это стабилизирует социальную ситуацию в стране, но не способствует интенсивному росту производства, который неизбежно приведет и к росту безработицы, и к росту заработных плат, оставшихся на производстве работников, но может спровоцировать социальный взрыв.

Для того, чтобы поднять российскую промышленность необходимо очень выверенная и продуманная социальная и экономическая государственная политика, которая должна просчитать все издержки технологического перевооружения страны. А последние события в мировой экономике показывают, что без этого перевооружения страна испытывает самые большие потрясения от мировых катаклизмов.

Библиографический список

Анисимов Р. И. Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S013216250006652–0.

Василевский Э. Обрабатывающая промышленность США: 1950–2005 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 85–105.

Воробьева И. В. Протестный потенциал россиян и особенности его проявления в современной России // Социальное развитие современного российского общества: состояние, проблемы, перспективы: Монография / Отв. ред. М. Б. Буланова; Авт.: Ж. Т. Тощенко, Н. И. Белова, И. В. Воробьева [и др.]. М.: РГГУ, 2019. 162 с.

Динамика промышленного производства: региональные различия. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

Кученкова А. В. Прекарность основного места работы как фактор вторичной занятости // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием. Рязань: 2018. С. 175–180.

Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России. СПб.: Наука, 2004. 277 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат. ежегодник. М: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР, 1991. 592 с.

Петровская Н. Е. Оплата труда в обрабатывающей промышленности США // Управление. 2019. Т. 7. № 2. С. 95–103. DOI: 10.26425/2309–3633–2019–2–95–103.

Производительность труда в Российской Федерации. Социальный бюллетень [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

Промышленное производство в России – 2016 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/b16_48/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Промышленное производство в России – 2019 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/b19_48/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Промышленность в России – 2002 год [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/B02_48/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Промышленность России – 2008 год [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/B08_48/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Промышленность России – 2010 год [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/B10_48/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Промышленность России – 2012 год [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/B12_48/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Российский статистический ежегодник 2019 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/b19_13/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Семенов А. В. Протестная активность россиян в 2012–2013 гг. // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 54–63.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.

Тощенко Ж. Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.

Труд и занятость в России – 2007 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/B07_36/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Труд и занятость в России – 2017 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/B17_36/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Труд и занятость в России – 2019 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bud/regal/b19_36/Main.htm (дата обращения: 01.04.2020).

Трушков В. В. Современный рабочий класс России в зеркале официальной статистики // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 45–51.

Level of GDP per capita and productivity [Электронный ресурс] // Организация экономического сотрудничества: [веб-сайт] URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=54563> (дата обращения: 01.04.2020).